

Чернобыльский спецназ

Эти люди первыми поднялись на крышу разрушенного реактора. Уникальные свидетельства генерала Тараканова

Работы по ликвидации аварии выполнены. Фото: Александр Шеин

18:50, 5 июня 2019,

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ

Один из самых страшных моментов четвертой серии сериала «Чернобыль» — как генерал, руководивший операцией по очистке самых загрязненных зон, отправляет своих людей на крышу саркофага — очищать его от кусков графита вручную. Потому что германский робот, которого хотели использовать, сразу вышел из строя — зашкаливал уровень радиации. Поэтому люди пошли сами. В самодельных свинцовых латах, с лопатами и пылесосами. Всего 376 человек.

Генерал Николай Тараканов, которого играет в сериале ирландский актер Ральф Айнсон — более чем реальный персонаж. Генерал-майор, руководитель работ по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, президент МООИ «Центр социальной защиты инвалидов Чернобыля», доктор технических наук, член Союза писателей России. Сейчас ему 84 года, и он до сих пор борется с лучевой болезнью, оставшейся с ним после катастрофы 33 года назад.

Несколько лет назад «Новая» встречалась с генералом Таракановым. Тогда у нас был спецвыпуск «Чернобыльский спецназ». По нашей просьбе генерал-майор Тараканов рассказал о тех страшных днях, как там все было — с документами, цифрами, фотографиями и теми воспоминаниями, которые никак не зафиксируешь. Похож ли сериал на то, что было на самом деле? Как действительно работали ликвидаторы аварии в смертельных условиях и был ли у них выбор. Об этом — «Чернобыльский спецназ».

Реальная фотография чернобыльских ликвидаторов и кадр из сериала HBO «Чернобыль»

Многие об этом знали

Генерал Тараканов. Фото: Анна Артемьева / «Новая газета»

Сентябрь 1986 года, третий месяц моей служебной командировки в Чернобыле. Мои близкие товарищи и сослуживцы разъезжались по домам. Как правило, офицеры и генералы более одного-двух месяцев тут не задерживались. Я дал согласие на продление командировки до трех месяцев. Начальство в Москве не возражало.

Практически все, кто работал на АЭС, имели возможность, сами того не зная и не замечая, «нахвататься» радиоактивной дряни выше разумных пределов. Ведь прежде чем посылать на всякие работы солдат, офицеры, особенно химики, — шли первыми. Они замеряли уровни и составляли картограмму радиоактивного заражения местности, объектов, оборудования. А при этом разве возможно было учесть облучение?

Председателя комиссии по ликвидации последствий

Чернобыльской катастрофы Ведерникова сменил Б.Е. Щербина, которому досталось в самые первые адские дни Чернобыля. Правда, был он тогда недолго. Но я знаю, что Борис Евдокимович схватил радиации сполна.

До сих пор не могу понять, почему ни правительственную комиссию, ни химические войска, ни Гражданскую оборону СССР, ни Госкомгидромет, ни Институт имени Курчатова не интересовали особо опасные зоны, куда были выброшены сотни тонн высокорadioактивных материалов в виде графита, тепловыделяющих сборок (ТВС), тепловыделяющих элементов (ТВЭЛ), осколков от них и прочего. Тот же академик Велихов не раз зависал на вертолете над аварийным третьим блоком, неужели и он не видел эту массу?

Мыслимо ли, что так долго — с апреля по сентябрь 1986 года — из этих зон ветрами разносилась радиоактивно-зараженная пыль по всему белу свету!

Радиоактивная масса омывалась дождями, испарения, теперь уже зараженные, улетучивались в атмосферу. К тому же продолжал «плевать» и сам реактор, из которого извергалось немалое количество радионуклидов.

Наверняка многие руководители об этом знали, но радикальных мер никто не принимал. И как бы ученые-физики из Института имени Курчатова ни доказывали, что уже в мае реактор прекратил выбросы, — это был чистейший обман! Последний выброс был зафиксирован радиолокационной станцией примерно в середине августа. Этим занимался лично полковник Б.В. Богданов. Ответственно заявляю, что основная тяжесть работы по оценке радиационной обстановки, вплоть до

взятия десятков тысяч проб грунта, воды, легла на армию. Результаты исследований регулярно докладывались шифровками в соответствующие инстанции. Наиболее правдивая и полная карта радиационной обстановки была подготовлена тоже военными.

Сгоревший робот

Однажды на заседании в Чернобыле государственной комиссии докладчиком по радиационной обстановке в регионе был Израэль*Юрий Израэль — глава Госкомгидромета СССР. Я спросил, почему в докладе дана такая радужная обстановка — мы-то ее хорошо знали. Ответа не последовало.

А мы в Киеве, по просьбе предсовмина Украины А.П. Ляшко, брали сотни проб грунта, листвы, воды. Эту операцию проводили вместе с офицерами, прилетевшими на вертолетах из Чернобыля, и штабом Гражданской обороны Украины во главе с генерал-лейтенантом Н.П. Бондарчуком. Помню, как были отсняты на фото пленку зеленые листочки каштанов на Крещатике. Проявили пленку, а на ней всю светились точки радионуклидов. Эти листочки спрятали в специальную камеру и через месяц вновь отсняли. Теперь они были поражены полностью — из точек образовалась паутина. Когда капитан 1 ранга Г.А. Кауров показал негативы А.П. Ляшко, тот ахнул...

Самые же опасные и ответственные работы по дезактивации предстояло выполнить на кровлях третьего энергоблока, где было сконцентрировано значительное количество высокорadioактивных материалов, выброшенных при аварии на четвертом блоке. Это были куски графитовой кладки реактора, тепловыделяющие сборки, циркониевые трубки и проч. Мощности доз от отдельно лежащих предметов были слишком высокие и весьма опасные для жизни человека.

Командир взвода ставит задачу солдатам по удалению ядерного топлива с помощью пылесосов. Фото: Александр Шеин. Из личного архива Н. Тараканова

И вот вся эта масса с 26 апреля по 17 сентября лежала на кровлях третьего энергоблока, площадках главной вентиляционной трубы, развеивалась ветрами, омывалась дождями в ожидании, пока, наконец, дойдет черед и до ее удаления. Все ждали и надеялись на робототехнику. Дождались. Вертолетами несколько роботов были доставлены в особо опасные зоны, но они не сработали. Аккумуляторы сели, а электроника отказала.

В операции, которой мне пришлось руководить в особо опасных зонах третьего энергоблока, я так ни разу и не видел работа в работе, кроме одного, извлеченного из графита — «сгоревшего» в рентгеновских лучах и ставшего помехой при выполнении работ в зоне «М».

Работа для людей

Тем временем работы по захоронению аварийного четвертого

энергоблока были близки к завершению. В конце сентября «саркофаг» предстояло перекрыть металлическими трубами большого диаметра. Непростая сама по себе задача осложнялась еще и тем, что на крышах сооружений, на трубных площадках лежали тонны высокорadioактивных веществ. Их во что бы то ни стало надо было собрать и сбросить в зев разрушенного реактора, упрятать под надежную крышу. Работа архитяжелая и очень рискованная...

Солдаты прибыли для выполнения работ по ликвидации последствий на самой ЧАЭС. Фото: Александр Шеин. Из личного архива Н. Тараканова

Но как подступиться к зонам, где уровни радиации оставались опасными для жизни? Попытки применить гидромониторы и другие механические приспособления оказались безуспешными. Кроме того, места разброса радиоактивных продуктов, прилегающие к вентиляционной трубе главного корпуса, трубные площадки были труднодоступными: высота

сооружений — от 71 до 140 метров. Словом, без активного участия людей такую задачу выполнить было просто невозможно.

16 сентября 1986 года, в соответствии с полученной шифровкой, я вылетел на вертолете в Чернобыль. Прибыл в 16.00 к генералу Плышевскому и тут же отправился с ним на заседание правительственной комиссии, которое проводил Б.Е. Щербина. Обсуждали предложенный вариант удаления высокорadioактивных материалов с крыш ЧАЭС воинами Советской армии.

Участники комиссии погрузились в тягостное молчание. Каждый понимал, насколько опасной была эта адская работенка для ее исполнителей. Б.Е. Щербина еще раз перебрал все возможные варианты, ни один из них не был реальным. Затем речь зашла о месте захоронения высокорadioактивных материалов. Решение было единственное — сбрасывать только в аварийный реактор. Я пытался убедить комиссию задержать предстоящие работы, сделать специальные металлические контейнеры с большим коэффициентом ослабления радиации и вертолетами вывозить собранные материалы в соответствующие места захоронения. Предложение было отвергнуто. Говорили о дефиците времени: поджимали сроки закрытия «саркофага».

Затем председатель комиссии обратился к генералу и ко мне: «Я буду подписывать постановление на привлечение для работ воинов Советской армии».

Решение было принято. Но этим же решением на меня возлагалась ответственность за научно-практическое руководство всей операцией. На этом же заседании я предложил подготовить и провести обстоятельный эксперимент в порядке подготовки к операции.

17 сентября вертолет доставил нас к месту проведения эксперимента. Его решили провести на площадке «Н». Особая роль в эксперименте отводилась кандидату медицинских наук подполковнику медицинской службы Александру Алексеевичу Салееву. Он на себе должен был проверить возможность работы в опасной зоне. Салееву предстояло действовать, используя специальные усиленные средства защиты. На него подогнали свинцовую защиту груди, спины, головы, органов дыхания, глаз.

На военврача Александра Салеева навесили десяток датчиков и дозиметров. Он на себе проверял возможности работы в опасной зоне. Фото: Александр Шеин. Из личного архива Н. Тараканова

В специальные бахилы уложили просвинцованные рукавицы. На грудь и спину дополнительно надели просвинцованные фартуки. Все это, как показал потом эксперимент, в 1,6 раза снижало воздействие радиации. Кроме того, на Салеева повесили десяток датчиков и дозиметров. Был тщательно рассчитан маршрут движения. Надо было выйти через пролом в

стене на площадку, осмотреть ее и аварийный реактор, сбросить в развал 5-6 лопат радиоактивного графита и по сигналу вернуться назад. Эту программу подполковник медицинской службы Салеев выполнил за 1 минуту 13 секунд. Мы, затаив дыхание, следили за его действиями — стояли в проеме, проделанном взрывом в стене, но так как у нас защиты не было, находились в зоне 30 секунд...

За минуту с небольшим Александр Алексеевич получил дозу облучения до 10 рентген — это по прямопоказывающему дозиметру. Датчики решили отправить в лабораторию, только после их расшифровки можно было сделать более точные выводы. Через пару часов мы получили сведения: они особенно не отличались от уже известных нам. Акт по результатам эксперимента и свои выводы доложили членам правительственной комиссии. Комиссия рассмотрела представленный акт, разработанные нами инструкции и памятки для офицеров, сержантов и солдат и одобрила их.

Тем удивительней для нас был тот факт, что за весь период работы штаба по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС с июня по ноябрь 1986 года Минздрав СССР не выдавал никаких рекомендаций и не проводил обследований работающих с точки зрения психофизического состояния.

Членам отряда спецдозразведки за 4 месяца работы в условиях высоких и сверхвысоких полей и больших дозовых нагрузок анализ крови сделали только один раз! Дикое равнодушие...

Подготовка к предстоящей операции шла полным ходом. Солдаты вручную готовили средства индивидуальной защиты.

Для защиты спинного мозга вырезали из свинца пластины толщиной 3 миллиметра, делали свинцовые плавки — «корзины для яиц», как их прозвали солдаты. Для защиты затылочной части головы изготовили свинцовые экраны наподобие армейской каски; для защиты кожи лица и глаз от бета-излучений — щитки из оргстекла толщиной 5 миллиметров; для защиты ног — свинцовые стельки в бахилы или сапоги; для защиты органов дыхания подгонялись респираторы; для защиты груди и спины — фартуки из просвинцованной резины; для защиты рук — просвинцованные рукавицы и перчатки.

В таких доспехах весом от 25 до 30 кг солдат походил на робота. Но эта защита позволяла снизить воздействие радиации на организм в 1,6 раза.

«Как же так?! — не устаю я задавать себе вопрос. — Или мы пришли из каменного века, чтобы так вот собирать свинцовые листы и вырезать из них на скорую руку защиту критических органов человека?»

Мне, генералу и человеку, потерявшему в той операции здоровье, стыдно говорить о столь примитивной защите людей. Не случайно каждому солдату, сержанту и офицеру приходилось высчитывать время работы — вплоть до секунд! Я утверждаю: мы берегли солдата больше, чем себя... Мы не повторили роковых ошибок героев-пожарных. Я уверен, и они могли бы остаться в живых, если бы знали счет времени и рентгенам... А главное — если бы имели необходимую спецодежду и защитные средства.

Офицеры и начальники

Академическая наука ничего разумного не разработала в организации работ в особо опасных зонах. Пришлось самим создавать и на ходу оборудовать специальный командный пункт (КП). Там мы установили телемониторы, коротковолновую радиостанцию для связи с АЭС и оперативной группой Министерства обороны. В особо опасных зонах были выставлены телевизионные камеры ПТУ-59 с пультом управления по трем осям и регулировкой фокуса трансфокаторами. Камера позволяла вести обзор и крупным планом рассматривать отдельные предметы. На этом КП я проводил инструктаж командиров, ставил конкретные задачи каждому военнослужащему.

Особые обязанности возлагались на выводного и маршрутного офицера. Выводной офицер нес персональную ответственность за точность соблюдения времени работ. Он лично подавал команду «Вперед!» и запускал секундомер, он же давал команду на прекращение работ в зоне и включал электросирену. В руках этого офицера была жизнь воинов. Малейшая неточность или ошибка могли иметь трагические последствия. Неменьшая ответственность возлагалась и на маршрутных офицеров. Сначала дозиметристы А.С. Юрченко, Г.П. Дмитров и В.М. Стародумов водили их по сложным лабиринтам в особо опасные зоны. И только после этой подготовки маршрутный офицер мог выводить свою команду в зону работ. Обычно маршрутный офицер выводил 10–15 команд солдат, и его дозовая нагрузка становилась предельной, то есть 20 рентген.

Пока мы обрабатывали данные эксперимента, неожиданно прилетела специальная комиссия, назначенная первым заместителем министра обороны генералом армии П.Г. Лушевым. Председателем комиссии был генерал армии И.А. Герасимов, который в самые тяжелые дни после аварии возглавил оперативную группу Министерства обороны СССР. Не в обиду ему будет сказано, но это был не лучший вариант руководства ликвидацией последствий аварии. Далеко не

лучший. Ведь вместе с Н.И. Рыжковым (*Николай Рыжков — председатель Совета министров СССР — прим. ред.*) и Е.К. Лигачевым (*Егор Лигачев — секретарь ЦК КПСС — прим. ред.*) 2 мая в Чернобыль прилетел начальник Гражданской обороны СССР генерал армии А.Т. Алтунин.

Именно тогда эти руководители государства обязаны были возложить руководство всей операцией по ликвидации последствий аварии на Гражданскую оборону СССР. Следовало бы немедленно передислоцировать штаб ГО в Чернобыль и придать ему соответствующее количество войск. А что получилось? Ретивые начальнички отстранили А.Т. Алтунина и, несправедливо упрекнув, отправили его в Москву. К управлению были подключены армейские генералы, порой совершенно некомпетентные. Гражданскую оборону оценили как неподготовленную и недееспособную, технически не вооруженную.

Свинцовая каска, респиратор, щитки из оргстекла от бета-излучения на глазах, рентгеновский фартук, под которым защита из свинца 1,6 мм, две пары рукавиц — простые и просвинцованные, вес всей защиты от 25 до 30 кг. Фото: Игорь Костин. Из личного архива Н. Тараканова

Разведчики

Так вот, прибыла та самая комиссия из Министерства обороны. В ее составе было восемь генералов, в том числе из Генштаба, Главпура, тыла, химвойск и т.д. Вначале поговорили в кабинете начальника опергруппы. Потом встретились со Щербиной. Позже переоделись и поехали в Чернобыль. Там несколько человек на вертолетах вылетели на осмотр крыш третьего энергоблока и площадок главной вентиляционной трубы АЭС. По команде председателя комиссии вертолетчики несколько раз зависали над крышами третьего блока и у трубы. Члены комиссии своими глазами увидели массу графита, тепловыделяющие сборки с ядерным горючим, ТВЭЛы из циркония, железобетонные плиты и вернулись в Чернобыль.

Все снова собрались на совещание и началось обсуждение. Было предложено утвердить дозу одноразового облучения в период выполнения работ в опасной зоне 20 рентген.

В постановлении правительственной комиссии №106 от 19 сентября 1986 года было всего четыре пункта. Первый пункт гласил, что Министерству обороны СССР совместно с администрацией ЧАЭС поручается организовать и выполнить работы по удалению высокорadioактивных источников с крыш третьего энергоблока и трубных площадок, а последний пункт решения все научно-практическое руководство возлагал на первого заместителя командира войсковой части 19772 генерал-майора Н.Д. Тараканова. Меня лично по этому поводу никто не спросил, не предупредил, тем более что я по образованию инженер-механик, а вовсе не химик. Но оспаривать решение комиссии не стал, просто чтобы не посчитали трусом.

В тот же день, 19 сентября пополудни, началась адская операция в особо опасной зоне третьего энергоблока. Через полчаса я был на командном пункте, который размещался на 5001-й отметке. По ежедневным замерам, уровни радиации в блоке у стенки, примыкающей к четвертому аварийному блоку, были 1,0–1,5 рентгена в час, а у противоположной, примыкающей ко второму блоку, — 0,4 рентгена в час. Так что за две недели пребывания на КП по 10 часов в сутки можно было с избытком «набраться» той проклятой радиации...

Первыми в зоны постоянно ходили разведчики, всякий раз уточняя меняющуюся радиационную обстановку. Я назову их имена: командир отряда дозиметрической разведки Александр Юрченко, заместитель командира отряда Валерий Стародумов; разведчики-дозиметристы: Геннадий Дмитриев, Александр Голотонов, Сергей Северский, Владислав Смирнов, Николай Хромьяк, Анатолий Романцов, Виктор Лазаренко, Анатолий Гуреев, Иван Ионин, Анатолий Лапочкин и Виктор Велавичюс. Герои-разведчики! О них, а не об арбатских трубадурах слагать

бы песни...

Особо опасная зона

Первую пятерку воинов во главе с командиром майором В.Н. Бибой я лично инструктировал у телемонитора, на экране которого отчетливо были видны зона работ и все находившиеся в ней высокорadioактивные материалы. Вместе с командиром вышли в зону сержанты Канарейкин и Дудин, рядовые Новожилов и Шанин. На старте офицер запустил секундомер, и началась операция по удалению радиоактивных материалов. Воины работали не более двух минут. За это время майор Биба успел сбросить совковой лопатой почти 30 килограммов радиоактивного графита, сержант В.В. Канарейкин с помощью специальных захватов удалил разорванную трубу с ядерным горючим, сержант Н.С. Дудин и рядовой С.А. Новожилов сбросили семь кусков смертоносных ТВЭЛов. Каждый воин, прежде чем сбросить смертоносный груз, должен был заглянуть в развал реактора — заглянуть в ад...

Наконец секундомер замер! Впервые зазвучала сирена. Пятерка воинов во главе с комбатом быстро положила шанцевый инструмент в указанное место, мигом покинула зону через отверстие в стене и последовала на командный пункт. Здесь дозиметрист, он же и разведчик, Г.П. Дмитриев вместе с военным врачом сняли показания дозиметров и объявили персонально каждому полученную им дозу облучения. Дозы у первой пятерки не превышали 10 рентген.

Я хорошо помню, как комбат просил меня пустить его в зону еще раз, чтобы добрать свои 25 рентген. Дело в том, что при получении 25 рентген полагалось пять окладов.

В зону пошла очередная пятерка в составе Зубарева, Староверова, Гевордяна, Степанова, Рыбакова. И так — смена за сменой. В тот день 133 воина-героя убрали из зоны «Н» более 3 тонн высокорadioактивных материалов.

Ежедневно после завершения работ мы готовили оперативную сводку, которую я лично докладывал генерал-лейтенанту Б.А. Плышевскому. Зашифрованные сводки отправлялись министру обороны и начальнику Главпура.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА

19 и 20 сентября в работах по удалению высокорadioактивных веществ с крыш 3-го энергоблока

Чернобыльской АЭС принимали участие солдаты, сержанты и офицеры инженерно-позиционного батальона (войсковая часть 51975, командир — майор Биба В.Н.) в количестве 168 человек. Работы в основном выполнялись в первой особо опасной зоне «Н».

За время выполнения работ:

собрано и сброшено в развал аварийного реактора 8,36 тонны радиоактивно зараженного графита вместе с элементами ядерного горючего; извлечено и сброшено в аварийный реактор две тепловыделяющие ядерные сборки общим весом 0,5 тонны; собрано и сброшено в развал аварийного реактора 200 кусков ТВЭЛов и других металлических предметов весом около 1 тонны.

Средняя доза облучения личного состава 8,5 рентгена.

Отмечаю особо отличившихся солдат, сержантов и офицеров: командир батальона майор В.Н. Биба, заместитель командира батальона по политчасти майор А.В. Филиппов, майор И. Логвинов, майор В. Янин, сержанты Н. Дудин, В. Канарейкин, рядовые Шанин, Зубарев, Жуков, Москлитин.

Потерь среди личного состава и происшествий нет.

Руководитель операции, первый заместитель командира в/ч 19772 генерал-майор **Н. Тараканов**

Юрченко и Дмитров

Операция была в разгаре, и вдруг сбой. В правом углу зоны «М»,

что под трубой, появились чрезмерно высокие поля — в пределах 5-6 тысяч рентген в час, а то и более... Почти все разведчики были «выбиты», то есть перебрали дозу облучения. Я подзвал командира части и говорю: «Подбери толковых офицеров-добровольцев для разведки в зоне «М». Но тут ко мне подошел Саша Юрченко: «Пойду сам». Я категорически возразил, заметив, что уже дал команду подобрать офицеров. Саша ответил, что офицер, тем более не «обстрелянный», не принесет нужных нам данных, да и вряд ли доберется до места. И один пошел в разведку. Вернувшись, по памяти набросал картограмму инженерной и радиационной обстановки. Александр Серафимович выполнил задание блестяще, но я знаю, во что обошелся ему тот выход в зону...

После этого были внесены коррективы в производство работ по времени и дозам облучения. Ту памятную картограмму я до сих пор бережно храню!

Я уже упоминал о разведчике Дмитрове. Геннадий Петрович прибыл на ЧАЭС из Обнинска добровольцем. Во время операции он почти ежедневно был со мной на третьем блоке и неоднократно выходил в разведку в особо опасные зоны. Это был блестящий мастер своего дела — эрудированный, тактичный, скромный. Солдаты его уважали. С ним мы всегда возвращались поздно ночью с третьего блока по всем тем длинным лабиринтам. Однажды вернулись на АЭС, а санпропускник уже закрыт. Вся наша чистая одежда под замком. Обувь мы сбросили еще раньше. И вот, усталые, разбитые и страшно голодные стоим и не знаем, что делать. Был двенадцатый час ночи. Говорю: «Геннадий Петрович, иди к дежурному и решай задачу, ты же разведчик». Геннадий Петрович ответил: «Есть, товарищ генерал!» — и пошел в одних носках к дежурному по АЭС. Через полчаса мы уже мылись, но перекусить так и не удалось: все было закрыто.

Переодевание воинов-ликвидаторов в свинцовую защиту. Фото из архива

Вспоминаю еще один эпизод, связанный с Геннадием Дмитриевым. Как-то, весь бледный, подбегает ко мне, подводит солдата и говорит: «Николай Дмитриевич, вот этот солдат мухлюет с дозами облучения. Он, кроме нашего дозиметра, установленного на груди под защиту, где-то добыл еще дозиметр и положил его в карман, а на контроль представил не наш, а свой. Но солдат этот выполнил свой долг, он работал в опасной зоне». Я пригласил командира подразделения и попросил разобраться по совести. Наказали того солдата или обошлось беседой — не знаю, но до участников операции этот факт я довел. Ведь все были добровольцы, всем предоставили возможность перед выходом на выполнение задания еще раз подумать и решить — идти или не идти в опасную зону. Какие же могли быть сомнения в руководстве операцией? Или были основания не доверять лично мне, стоящему у врат ада?..

Штурм трубных площадок

Но все это, как говорят в народе, — были цветочки... А вот ягодки нас ожидали на площадках главной вентиляционной трубы и у ее основания, где и графита, и ядерного горючего было просто навалом! Вентиляционная труба АЭС обеспечивала выброс в атмосферу факела очищенного в некоторой степени воздуха заборными вентиляционными системами из помещений третьего и четвертого энергоблоков. По конструкции эта труба представляла собой стальной цилиндр диаметром 6 метров. Для повышения устойчивости она была схвачена трубчатой каркасной конструкцией, опирающейся на восемь упоров (ног). Для обслуживания труба имела 6 площадок. Высота отметок 1-й площадки — 94 метра, 5-й — 137 метров. Выход на площадки обслуживания обеспечивался специальными металлическими лестницами. Каждая площадка — для безопасности — имела ограждение высотой 110 сантиметров.

В результате взрыва реактора четвертого энергоблока на все эти площадки, включая и 5-ю, были выброшены куски радиоактивно зараженного графита, разрушенные и целые ТВС, куски ТВЭЛов и другие радиоактивные вещества. При выбросе частично повредило 2-ю трубную площадку со стороны четвертого энергоблока...

И вот, в соответствии с разработанной технологией удаления высокорadioактивных продуктов выброса, было принято решение начинать работы на 1-й трубной площадке, где радиоактивность была более 1000 рентген в час!

Работы усложнились трудностью маршрута выдвижения в зону. Команда сначала выходила на исходный рубеж, где был оборудован пост стартового офицера. Он управлял электросиреной, хронометрировал время, которое рассчитывали физики. И команда со старта по пожарной

лестнице выходила через проем в перекрытии, который образовался после взрыва. Короткими перебежками по деревянному настилу все следовали через зоны «Л» и «К», где уровни радиации были 50–100 рентген в час, в зону «М». Там уровни радиации доходили до 500–700 рентген в час. Затем команда поднималась по металлической лестнице через отверстие 1-й трубной площадки в зону работ. Время выхода и возвращения — 60 секунд. Время работ в зоне 40–50 секунд. Работы велись ограниченными командами — только по 2–4 человека...

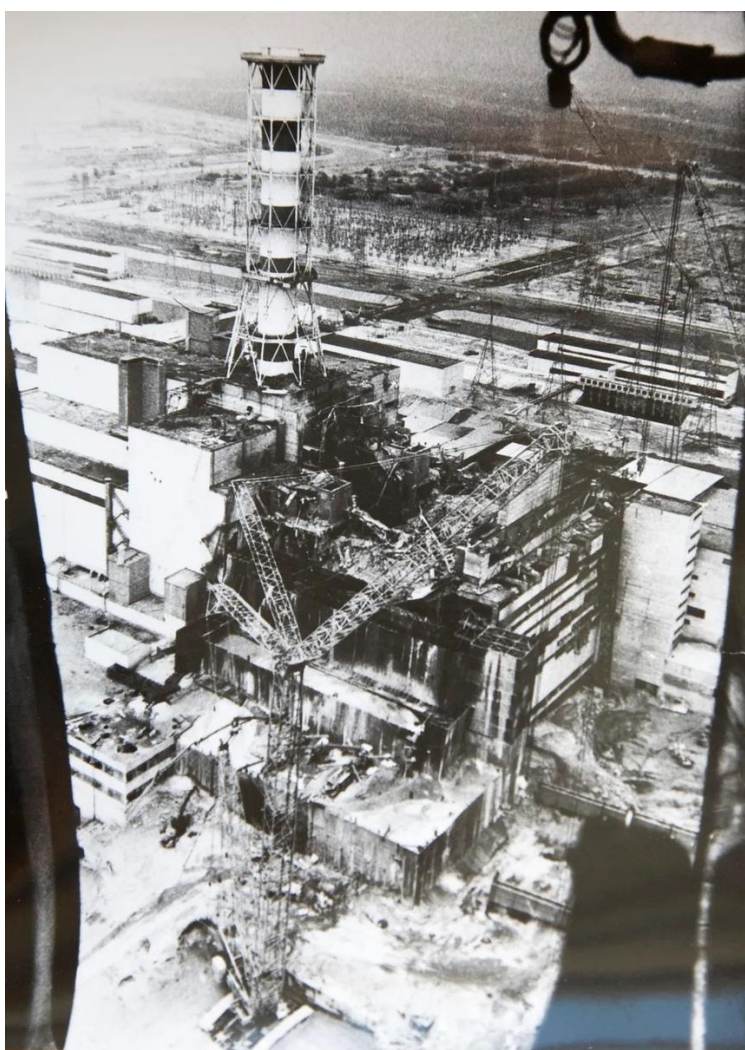

Фото из архива

24 сентября. Начало штурма трубных площадок. Первыми на 5001-ю отметку прибыли воины полка Гражданской обороны из Саратовской области. В этом полку, в должности полкового инженера, проходила моя служба с 1962 по 1967 год, когда я с

семьей переехал с Украины в Россию.

И вот теперь в аду Чернобыля, на отметке 5001, стоял личный состав воинов Саратовского полка. Не было тут ни друзей, ни знакомых... Я коротко выступил перед личным составом, рассказал, что мы работаем шестые сутки. Но предупредил, что предстоит работа самая сложная и самая опасная. Назвал уровни радиации зон (более двух тысяч рентген в час), где они, мои однополчане, начнут операцию по сбору и удалению высокорadioактивных элементов. Внимательно всматриваясь в лица, я громко объявил, как и вчера, и позавчера, и ранее: «Кто не уверен в себе и кто плохо себя чувствует, прошу выйти из строя!» Не вышел никто. Командиру полка я отдал распоряжение разбить личный состав по командам, начать переодевание в защиту, а потом уже представлять на инструктаж.

В 8 часов 20 минут начался штурм первой трубной площадки. От воинов-саратовцев эстафету приняли саперы инженерно-дорожного полка, потом полка химической защиты и завершили — воины отдельного химического батальона.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА

24 сентября в работах по удалению высокорadioактивных веществ со 2-й трубной площадки Чернобыльской АЭС принял участие личный состав войсковых частей 44317, 51975, 73413, 42216 в количестве 376 человек.

За время выполнения работ:

собрано со 2-й трубной площадки главной

вентиляционной трубы и сброшено в развал аварийного реактора 16,5 тонны радиоактивно зараженного графита; собрано и удалено 11 полуразрушенных тепловыделяющих сборок с ядерным горючим общим весом 2,5 тонны; собрано и сброшено в аварийный реактор больше 100 кусков ТВЭЛов.

Средняя продолжительность времени работ составляла 40–50 секунд.

Средняя доза облучения военнослужащих 10,6 рентгена.

Потерь среди личного состава и происшествий нет.

Отмечаю наиболее отличившихся солдат, сержантов и офицеров: Миньш Э.Я., Терехов С.И., Савинкас Ю.Ю., Шетиньш А.И., Пилат Ш.Э., Илюхин А.П., Бруверис А.П., Фролов Ф.Л., Кабанов В.В. и другие.

Руководитель операции первый заместитель командира в/ч 19772 генерал-майор **Н. ТАРАКАНОВ**

Вертолетчики

При выполнении операции по удалению высокорadioактивных веществ с крыш третьего энергоблока и трубных площадок нашими боевыми помощниками были славные вертолетчики — гражданские и военные.

Очень часто перед тем, как начинать операцию на третьем блоке, вертолетчики на огромных Ми-26 проливали бардой или латексом зев аварийного реактора, крыши машзала третьего энергоблока, трубные площадки. Делалось это для того, чтобы

радиоактивно зараженная пыль не поднималась в воздух во время работ и не разносилась по округе.

19 сентября 1986. Выполнение спецзадания по удалению ядерного топлива и других продуктов взрывов солдатами вручную (вместо неисправных роботов) на Крыше «Н» (под главной трубой), 800 рентген излучение, выход в зону 2-3 минуты. Фото: Александр Шейн

Особенно врезались в память военный вертолетчик полковник Водолажский и представитель «Аэрофлота» Анатолий Грищенко. Хорошо помню неофициальную встречу, которую организовали Юра Самойленко и Витя Голубев. Встреча состоялась на заводе у Голубева, где они поздним вечером устроили ужин. Прибыли самые близкие мне люди — Женя Акимов, Володя Черноусенко, полковник А.Д. Саушкин, А.С. Юрченко и вертолетчики, в том числе Водолажский и Грищенко. Уже далеко за полночь мы наконец-то распрощались и разъехались... Жили все в Чернобыле.

И вот, когда 3 июля 1990 года в американском Сиэтле скончался Анатолий Грищенко, а я в это время лежал в Центральной клинической больнице, мне стало вовсе худо...

Не верилось, что Анатолия больше никогда не увижу. В голове невольно прокручивалось: следом — твой черед...

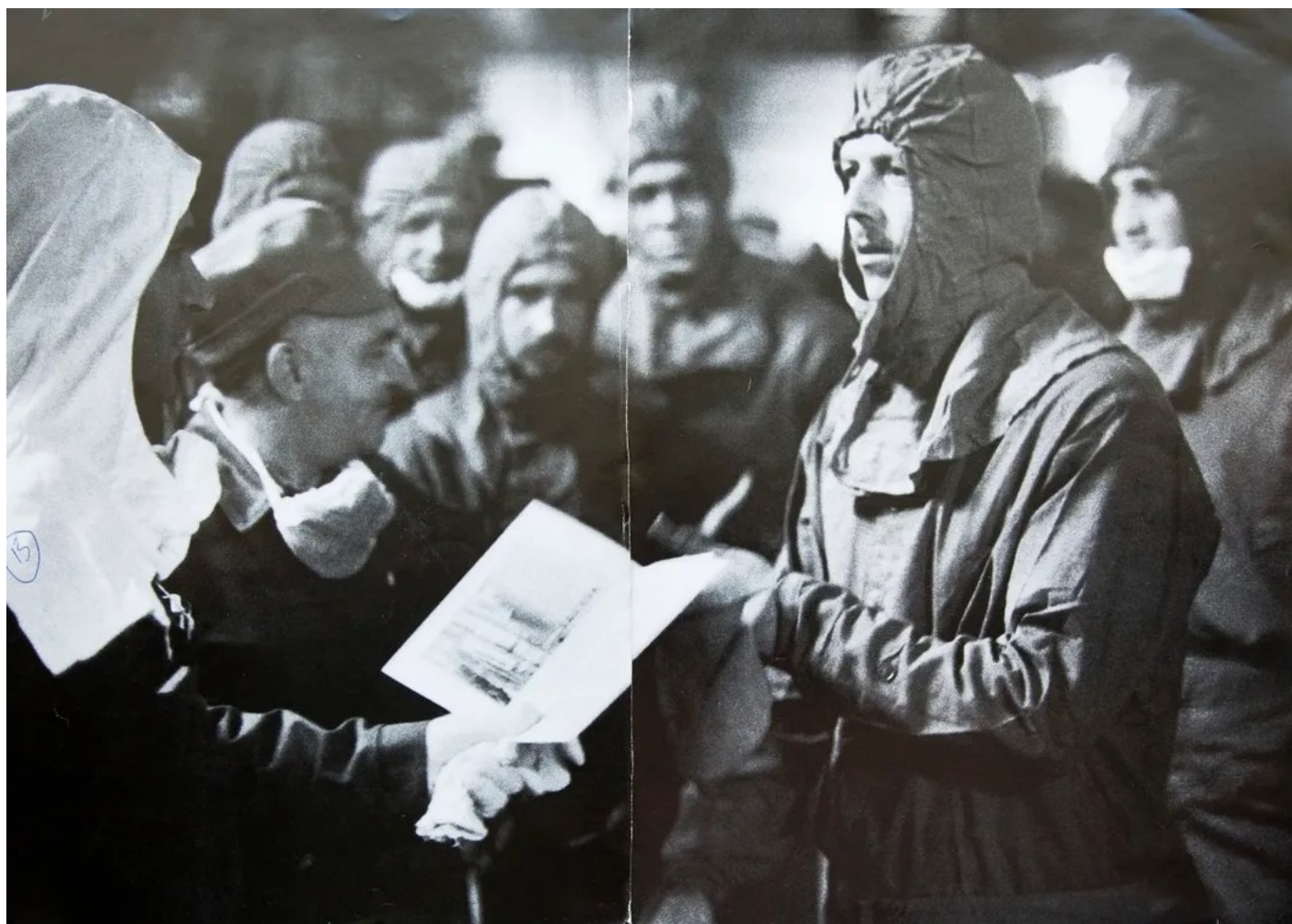
Вокруг была какая-то пустота. Ведь этот живой, удивительно жизнерадостный человек был у меня в январе 1987 года в московской больнице, по его виду и предположить было невозможно, что через три года его не станет... Всплывали воспоминания об удивительно скромном и отважном вертолетчике. Он имел огромный опыт работы с крупногабаритными грузами, что и пригодилось при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Вертолетчики первыми пытались подавить взорвавшийся реактор. Позже они вели борьбу с вредными радиоактивными элементами, подавляя пыль из брандспойтов. Это называлось дезактивацией с воздуха. Анатолий Демьянович, кроме того, учил военных вертолетчиков переправлять крупногабаритные грузы. Затем правительственная комиссия поручила ему перемещение многотонных вентиляторов и кондиционеров. Они требовались для восстановления первых трех блоков АЭС. Более месяца была первая командировка. Тогда вместе с Грищенко честно выполнял свой долг заслуженный штурман Евгений Воскресенский. Это ему позже врач Монахова пробивала бесплатную путевку в санаторий, так как некоторые специалисты не хотели признавать у штурмана заболевание крови. А уже второй раз бесплатную путевку ему не дали. У нас это умели делать...

Красный флаг победы над «белой» смертью

27 сентября был очень памятный для меня день. В это утро мои коллеги по операции на АЭС в шутку говорили: «Ну, наконец-то чернобыльского генерала снимают с трубы». Но это была лишь маленькая передышка. Дело в том, что 26 сентября прилетел из Москвы генерал армии В.И. Варенников. Мне уже поздно вечером сообщили, что на следующее утро меня будут заслушивать о ходе операции. Никаких шпаргалок для доклада я не готовил — вся информация была в голове.

Утром 27 сентября состоялось совещание. До совещания Варенников долго расспрашивал меня о работах на АЭС, особенно его интересовало состояние строительства «саркофага», его фильтровентиляционной системы, результаты работ по дезактивации первого и второго энергоблоков, как выполняются указания начальника Генштаба С.Ф. Ахромеева по работам на деаэрационной этажерке третьего блока. Дело в том, что деаэрационные этажерки третьего блока выходили к развалу аварийного энергоблока, и они были тоже опасным источником высоких уровней радиации. Правительством поручалось Министерству обороны и Минсредмашу совместно выполнить работы по подавлению этой радиации.

После завершения работ генерал Тараканов (слева, в белом капюшоне) вручает почетные грамоты и объявляет о представлении к орденам. Фото: Александр Шеин

Как сейчас помню, после полученной шифровки из Генштаба мы вместе с заместителем министра среднего машиностроения А.Н. Усановым провели первое совещание и наметили мероприятия. К слову, об этом человеке: Александр Николаевич Усанов лично руководил строительством «саркофага», и его КП, более или менее защищенный, находился в том же третьем блоке, где и мой... Позже мы с ним часто встречались в шестой клинической больнице Москвы. Он тоже «схватил» лишку радиации. За Чернобыль получил Звезду Героя Социалистического Труда. Свидетельствую: эта награда Александру Николаевичу по заслугам.

На совещании я хриплым голосом докладывал о мужестве наших солдат, сержантов и офицеров, о выполненных объемах работ, о том, что еще осталось сделать.

2 октября 1986 года мы успешно завершили операцию по удалению высокорadioактивных элементов. Всего было сброшено в развал 4-го взорвавшегося энергоблока около 200 тонн ядерного топлива, радиоактивно зараженного графита и других элементов взрыва. Под руководством Виктора Голубева были развернуты трубопроводы и с помощью гидромоторов были смыты все мелкие фракции от взрыва с крыш ЧАЭС. Специальная комиссия обследовала район работ на крышах энергоблоков, крышах машзала и трубных площадках главной вентиляционной трубы, на которую был поднят красный флаг в знак победы над «белой» смертью.

Николай Тараканов, генерал-майор, руководитель работ по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, президент МООИ «Центр социальной защиты инвалидов Чернобыля», доктор технических наук, член Союза писателей России

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Думаете, все прошло? Ни хрена подобного – уровень радиации идет вверх!»](#)

Разговор с писателем Владимиром Губаревым о нашумевшем сериале «Чернобыль»

20:13, 3 июня 2019, Павел Гутионтов undefined